

литературного процесса на данном участке; и решимость Института литературы Академии Наук СССР приступить к изданию монументальной истории русской литературы вполне оправдана в отношении к двум томам, отводимым XVIII столетию, как и в отношении других частей создаваемого коллективного труда.

Всего лишь несколько лет тому назад мы, исследователи русской литературы XVIII в., могли только мечтать о том, что произведения великих мастеров художественного слова этой эпохи, что замечательные явления общественной мысли до-пушкинского времени привлекут внимание широкой советской общественности. Мы тогда считали программой-максимум для нашей науки наше пожелание, чтобы русская литература XVIII столетия стала достоянием советской школы, чтобы издания русских писателей XVIII столетия появились на витринах наших книжных магазинов, на полках наших массовых библиотек, в руках у многочисленных любителей художественного слова нашей родины; может быть, следует отметить, что эти наши пожелания и запросы некоторым казались тогда, еще в 1932—1933 гг., непомерными и неосуществимыми.

Но вот прошло пять-шесть лет, — и то, к чему мы стремились, как к идеалу, в сущности, уже завоевано. Это были пять-шесть лет грандиозного роста мощи и величия нашей социалистической родины и социалистической культуры в ней. Много идеалов стало за это время реальностью. И теперь уже никого не удивят требования, выдвигавшиеся нами тогда. Теперь уже никто, кроме каких-нибудь отсталых ретроградов, не будет относиться к творчеству великих людей XVIII в., как к курьезу, к пыльному экспонату кунсткамеры. Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Фонвизин, Державин, Радищев, Карамзин занимают подобающее им место в преподавании литературы в средней школе. Восемнадцатый век изучается в специальных ячееках литературоведческих научно-исследовательских учреждений Советской страны. Одно за другим выходят в свет издания русских писателей XVIII в., научные и популярные. Советский читатель получил в новых изданиях не только произведения таких титанов мысли и искусства, как Ломоносов, Фонвизин, Державин, Радищев, но и Чулкова, и Капниста, и Княжнина, и Тредиаковского, и многих других. И нужно сказать, что эти книги не залеживаются в магазинах, а расхватываются немедленно после выхода их в свет, несмотря на большие тиражи их («Недоросль» был издан за последние годы не в одной сотне тысяч экземпляров). Русской литературе XVIII столетия постоянно посвящаются лекции в лекториях, домах культуры, клубах; «Недоросль» постоянно идет на сценах наших театров — и в центрах и в колхозах. В нашей прессе можно встретиться с цитацией писателей XVIII в., даже таких, напр., как Сумароков. Массовая аудитория с огромным интересом воспринимает художественное исполнение произведений XVIII в. мастерами-чтецами, и каждому из нас, специалистов, многократно приходилось испытывать радостное волнение, убеждаясь воочию, как живо, как глубоко